

Василий Киреев

*Были
и небылицы*

Мои кольца. Мозаики



Василий Анатольевич Киреев
Были и небылицы.
Мои кольца. Мозаики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40219679

ISBN 9785449615336

Аннотация

« – ...Я же всегда с тобой разговариваю, даже когда тебя нет рядом.– Я знаю. Я же тебе всегда отвечаю».«Эх ты, – сказал могильщик, – памятники не от слова память, а от слова напоминать».«Были и небылицы» – мозаика рассказов о местах, событиях и людях, встреченных в путешествиях, не вошедших в путевые дневники автора серий «Мои кольца». Пинежские зарисовки и Таймырские рассказы – о дальних уголках и судьбах их жителей; «Концы» – о русской глубинке и Донецке, а «Небылицы о любви» – о Любви.

Содержание

Предисловие	6
Пинежские зарисовки	8
Светлая Пинега. Предисловие к Пинежским зарисовкам	8
ПРОСТО ОСЕНЬ. (САША, некролог в светлых тонах)	10
ЗОЛОТЫЕ ОКНА	16
1. ШОТОВА. ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА	17
2. ШОТОВА. МИША	19
3. ЕДОМА. ЛЮБКА	23
4. ШОТОВА – КАРПОГОРЫ. ПЕТРОВИЧ	27
5. ДОРОГА В СУРУ. ИЛЬЯ	30
6. СУРА. МАТУШКА МИТРОФАНИЯ	32
7. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ	39
Небылицы о Любви	41
ХВОСТИКОМ МАХНУЛА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Были и небылицы Мои кольца. Мозаики

Василий Анатольевич Киреев

«Не моя вина, если со мной случаются такие диковины, которых ещё не случилось ни с кем. Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты».

Рудольф Эрих Распе. «Приключения барона Мюнхгаузена».

«Сейчас все хотят тепла, уюта и покоя. Но отравы бродяжничества уже в крови. И никакого покоя дома они не обретут. Снова начнет тревожить вечное влечение дорог – едва просохнет одежда и отмоется грязь из под ногтей. Я это знаю точно».

Алексей Иванов. «Географ глобус пропил».

ISBN 978-5-4496-1533-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Никогда и никуда мне не деться от путешествий – таков уж образ жизни. А поскольку жизнь эта длится уже некоторое значимое время, путешествий тоже накопилось изрядное количество, и в каждой, даже самой банальной, самой заурядной поездке было что-то, что заставляет к ней вернуться в мыслях: сюжет ли, чья-то судьба или просто место. Но не все путешествия стали или станут «кольцами» на бумаге – это было бы слишком утомительно и для меня, и для читателя. Особенно запомнившиеся из этих «небумажных» колец моменты я решил собрать в одной книжке – «Были и небылицы». Собственно, все просто: «Были» – это то, что увиделось, а «Небылицы» – о чем подумалось. Впрочем, разница между первым и вторым весьма условна, как и граница. Рассказы разбиты на четыре раздела, два из которых – по географическому признаку. Таймырские и Пинежские. Тут нечего объяснять – это по следам наших «колец», сделавших эти места – крайне важными для нас по самым разным причинам. «Концы» – тоже места, ставшие значимыми в виду неких внешних обстоятельств, заставивших туда поехать. Собственно, «конец» – это когда ты просто сел и поехал в конкретную точку. Ну, а «небылицы» – они потому и небылицы, что это не произошло непосредственно с нами, а то, что называется, навяло, хотя и в процессе путеше-

ствия. Вовсе не потому, что этого не было: всё было, и всё — правда.

Пинежские зарисовки

Светлая Пинега. Предисловие к Пинежским зарисовкам

*«Тихо. Невнятно. И в грусть.
И лепестками задета,
Где-то запутана Русь.
Русью опутано где-то...*

*Это наверно в верстах.
Скрыто, наверное, в вёршах.
В копьях. В шатрах и в шестах.
В песнях. В заветах умёрших».*

Александр Южанинов. «Снежная грусть».

*«Люди из последнего помогают друг другу.
И такая совесть в народе пробудилась —
душа у каждого насквозь просвечивает.
И заметь: ссоры, дразги там —
ведь почти нет... братья и сестры».*

Фёдор Абрамов, «Пряслины».

Пинега. Далеко на Русском Севере, там, где огромная Северная Двина уже приближается к Белому Морю, она при-

нимает в себя справа воды одного из своих главных притоков – Пинеги. Пинега, начинаясь в болотах и лесах недалеко от Северной Двины, бежит от нее прочь, на восток, чтобы огромным полукольцом охватить эту территорию величиной с Францию – Светлое Пинежье – и вернуться потом к Двине у Холмогор. Здесь, в этих местах, сошлись сразу несколько культур, образовав совершенно особый мир, в котором живут очень простые и очень правильные люди – пинежане, поморы. Это люди из тех, что могут послать трехэтажным заковыристым словом попа подальше, чтобы срубить часовенку не по канонам, а по своему усмотрению. Здесь православные обряды встречаются с языческими, да так органично, что и не поймешь, что откуда пришло. Здесь люди говорят на необычном, но очень легком, мелодичном и приятном уху языке, причем, несмотря на его особенности, абсолютно понятном, что, возвращаясь, невольно начинаешь вставлять в свой разговор их слова.

Здесь есть Веркола и Сура, здесь жил и писал Фёдор Абрамов.

Я очень много путешествовал по разным местам, встречая удивительное и необычное вокруг. Но Пинега – единственное место, куда, приехав, я сразу понял: Я не приехал сюда. Я вернулся. Тут она, та самая Русь. В широте рек, в невероятных просторах. Но главное – в душах живущих тут людей. О некоторых из них и будут Пинежские зарисовки.

ПРОСТО ОСЕНЬ. (САША, некролог в светлых тонах)

*«Gedanken, die mit Taubenfüssen kommen,
lenken die Welt».*

*Friedrich Nietzsche,
«Also Sprach Zarathustra»¹*

24 сентября 2005 года была чудесная солнечная погода. Последние годы лето с трудом уступает свое место осени, позволяя в сентябре лишь слегка понизиться температуре, да окрасить листья в невообразимые цвета, что делает это время одним из самых красочных. Я люблю его, пожалуй, даже больше, чем весну первой половины мая, когда природа, просыпаясь ото сна, одевает деревья в листву особого, майско-зеленого цвета. Люблю еще и потому, что этими разноцветными листьями можно пошуршать, пройдя по дорожкам «по-детски», не поднимая ног. Собственно, наслаждаться шуршанием листьев научили нас именно дети, и в то субботнее утро мы ехали на дачу вдвоем с Лёлькой, пошуршать по лесу, а потом посидеть у камина, когда раздался те-

¹ «Мысли, пришедшие на голубиных крыльях, правят миром». Фридрих Ницше, «Так сказал Заратустра». Более известен вольный перевод – «Мысли, ступающие голубиной поступью, управляют миром». Здесь и далее – прим. автора.

лефонный звонок. Определившийся в телефоне арханелогородский номер не был мне знаком, а голос в трубке, принадлежавший офицеру ФСБ, одному ему понятным образом раздобывшему мой номер, спросил: «Вы уже знаете?» «Что?» – спросил я в ответ, почувствовав, скорее, не тревогу, а какую-то тоску. «Сегодня ночью Саша погиб».

Я не помню ни даты, ни месяца, когда мы впервые повстречались. Помню только, что было промозгло, и мы заказывали себе в ресторанчике «Шварцвальд» на Петровке еще и еще пива с колбасками, просто чтобы не выходить на улицу. А Саша, как истинный знаток немецкого пива, определил, что это лучший пивной немецкий ресторанчик в Москве, и потом мы разговаривали с ним большей частью там, а не в моем офисе, располагавшемся через двор. Теперь нет там ни моего офиса, ни «Шварцвальда», и Саша расстроился бы. Но и Саши нет.

В тот вечер мы проговорили несколько часов, как будто знали друг друга сто лет. Мы сразу обнаружили, что очень похожи. У нас одного возраста дети, их у нас по трое, по две девочки и мальчику. У нас похожие взгляды на их образование и будущее, мы в одинаковых выражениях ими гордимся и на них ругаемся. Мы очень любим Север, он только острее, потому что там родился и жил. Мы, вообще, оба свалили ли бы нафиг из наших мегаполисов, я из Москвы, а он из Берлина, если бы не дети. Мы очень любим эту осень, светлую и какую-то одновременно и радостную, и грустную, особен-

но на Севере, с ее невообразимыми цветами; любим лыжи и пиво, быструю езду и перелеты.

Потом у нас было время пообщаться. И в Германии, которую мы проехали из конца в конец, и в Москве, и в Питере, и в Архангельской области, по которой мы тоже с ним проехали из конца в конец, а он невольно сравнивал эти две территории, похожие по площади, но такие разные. Но сравнивал как-то легко и позитивно, типа «я бы тут сделал так...»

Острота его любви к Северу и к жизни вообще, скорее всего, его и погубила. Он очень торопился. Торопился сделать что-то, поэтому вошел в команду, которая выиграла губернаторские выборы, стал замом, но, в результате, не смог перевезти семью из Берлина в Архангельск; так и мотался между ними, стараясь успеть и там, и там. Но никак не успевал. И однажды, такой же осенью, попросил приехать меня в его деревню, Шотову, что на Пинеге. Мы сидели с ним в бане, пили пиво, шуршали по лесу листьями. И он принял это решение, принял в пользу семьи, подав в отставку. А у меня до сих пор осталось чувство, что не будь той осени, может, решение было бы другим. И сидели бы мы с ним снова в немецкой пивнушке, а может, в баньке на Пинеге... Но, даже уйдя в отставку, он все равно не мог оставить свою команду, прилетал из Берлина и носился, как угорелый, торопясь сделать хоть что-то.

Пока не встретил на своем пути выехавший на встречу грузовик. Лоб в лоб.

Он писал стихи.

*«Плачет дождинками небо,
Сырость приносит нам грусть.
Где бы я только не был,
Я снова к тебе вернусь!*

*Пахнут туманом росы,
Прохлада стоит на лугах,
Русые длинные косы,
Лодки на берегах...»²*

Путешествовал и катался на лыжах. Успевал воспитывать детей, непременно, каждый год привозя их в родную деревню, и они, без сомнения, являются носителями обеих культур, думая по-немецки и по-русски, но умея подпевать пинежским напевам. Записывал на клочках бумаги комментарии к Ницше. Строил с отцом дом. Поставлял из Германии почтовые машины. Играл в футбол и был чемпионом Северодвинска среди юношей по боксу. И мечтал восстановить Шотовский Храм.

Он очень светлый человек. И по прошествии лет о нем хочется говорить с радостью, лишь чуть приправленной легкой грустью, как пинежская золотая осень слегка приправлена легкой дымкой. И, словно понимая это, природа дарит каждый год приехавшим к нему 23 сентября друзьям отлич-

² Александр Южанинов, «Лето жизни».

ную погоду, все эти годы без исключений.

Он мечтал восстановить этот Храм, но так получилось, что восстанавливает его Миша Суховерхов, с которым мы обменялись крамольной мыслью. А если бы не смерть Саши, взяли бы мы? И Храм получается очень светлый, высокий и не давящий.

«Зачем нужна такая дорога, если она не ведет к Храму?»

А вообще, там потрясающая осень. И очень светлое, совсем не тяжелое кладбище, с могилами без оградок и огромными вековыми соснами. Вот сойка между ветвей. Она летала над нами, приближаясь кругами, пока не достигла цели, сев прямо на памятник. А на ее место на ветке пришла белочка. Конечно грустно. Но и светло как-то. Да и время прошло.

«Карпогорский экспресс»³ приходит в Архангельск рано, в 5 утра, и я обычно успеваю на 7 часовой самолет в Москву. Но в этот раз я взял машину и поехал гулять по предрассветным и утренним Малым Корелам.

«Спасибо тебе, Саша, и за эту утреннюю, осеннюю красоту», – успел я подумать, и на ветку надо мной опустилась сойка.

И все же мы очень разные. Цитата, которую я сделал эпиграфом – его любимый афоризм. А мне по тому же поводу всегда было понятнее восточное. *«Великая речь неприметно тиха. Малая речь гремит над ухом»*. И, несмотря на всю

³ Местный поезд Архангельск – Карпогоры.

грустную красоту Сашиного кладбища, мне больше по душе колумбарии.

Так сказал Заратустра.

Сентябрь 2010

ЗОЛОТЫЕ ОКНА



Золотые окна.

В этот год «перемычка» – 30 километров отсыпки по болоту в районе Сии – была окончательно объявлена дорогой (местный губернатор так сказал, пролетев над ней на вертолете), поэтому народ там ездит круглогодично. И я ухватился за предложение поехать в Шотову машиной, а не «карпогорским экспрессом». Там есть два места, в непосредственной близости от дороги, Лявля и Чухчерьма, которые давно хотелось посетить, а все не складывалось. Но не они – цель⁴...

⁴ Семь коротких рассказиков о Средней Пинеге. Шотова, Едома, Кеврола, Ваймуша – названия пинежских деревень около райцентра Карпогоры. Сура – в ста

1. ШОТОВА. ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА

Людмила Сергеевна всё про свою болезнь знает и ясно отдает себе отчет в том, что с ней происходит. Человеческая память ведь устроена очень непросто. Когда Саши не стало, удар на себя приняла она. Петрович, и без того маленький и худой, как пацан, этакий гвоздь в свои-то семьдесят, получив от судьбы удар по «шляпке» – всегдашней его кепке, – вдруг изогнулся сразу в нескольких местах, зашатался под непосильной ношей, попытался, было, заглушить свою боль вином... А Людмила Сергеевна, всегда согнутая буквой «Г», как будто даже распрямилась навстречу этому удару. Стиснула зубы. На похоронах приняла на себя все заботы, отдавала четкие и твердые команды. Вот и не прошло бесследно. Она помнит, как меня зовут. Что у меня есть внук...

– Василий, – говорит она, и начинает рассказывать о ком-то. Потом остановится на полуслове. – Забыла. Прости. – Посидит, подумает и скажет – Такая вот беда со мной. Я знаю, что сказать хочу. Слова просто потерялись.

– Я ведь петь любила в детстве. Сейчас снова пою. И ведь слова все, как на листе – думала, забыла, с детства ведь ни разу не пела. А все помню. Откуда?

У Людмилы Сергеевны правильная речь, не деревенская какая-то, и очень точные и короткие ответы. «Ты какова?» –

спросила её при мне старушка-подружка (а я аж зажмурился от самой постановки вопроса). – «Пою...».

Я беру в руки листок старой газеты.

– Вот в это время, после завтрака, всегда так. Все буквы перед глазами вдруг пляшут. А потом пройдет. Мне в это время нож в руки нельзя брать. А к плите больше не подхожу, боюсь. Вдруг забудусь? – Однажды она и вправду забылась, ушла. Петровичу позвонили соседи: «Не твоя ли Люда у кирпичного?» А она переживает. Легче ли Петровичу от того, что не берет она в руки ни ножи, ни спички, ни скороводки? Не оттого не берет, что трудно – понимает, что опасно. А еще она очень верит в приметы.

– А я ведь не боюсь.

– Чего не боитесь-то?

– Ну как чего? Смерти не боюсь. Я готова уже, только вот вещички немного собрать. Я ведь не вперед пойду, Саша уже там. А у него всё там хорошо, я знаю. Я видела.

– ?

– Когда его не стало, у меня все окна озолотились.

– Это как? Свет, что ли, яркий?

– Да, свет. Золотой прям. Минут пять все окна пылали. А потом вдруг погасли. Стало совсем темно, хоть глаз выколи.

– А потом?

– А что потом? Не помню. Свет помню.

2. ШОТОВА. МИША

Михаил Дмитриевич всегда жил в Шотовой, с самого детства. Ему слегка за полтинник, и нынешнюю молодежь он не понимает.

– Мы ведь с детства работали. Так чтоб отдыхать – не было такого. Меня пацаном отец заставлял телят гонять – в Шотовой их выращивали до какого-то возраста, потом надо было перегнать в Ваймушу. Вот, на лошадях и гнали. Сёдла только у взрослых мужиков были – которые целый день коров пасли. А мы верхом, без сёдел. И сено возили, накидывали... Сейчас другое – ребята помоложе ждут, когда заработок побольше подвернется, не берутся за работу, что подешевле, но под рукой. А мы брались за любую.

– Ну да, – пытаюсь поддержать разговор и я, – еще же и хозяйство большое...

– Да какое там хозяйство, ничего не было. Так, огородик. Работа в совхозе до ночи, на личное хозяйство сил уже не оставалось. В совхозе хоть деньги платили, тем, кто в колхозе – совсем грустно было.

– А потом?

– Армия. После армии пошел в парашютисты – пожарные, лес тушить. Отряд в Карпогорах; наверное, благодаря ему аэродром жив еще. Хотя были плиты бетонные – увезли. Так вот и работаю, хоть и на пенсии.

– А платят хорошо?

– Не жалуюсь. Главное, есть свободное время, можно лесом – дровами заниматься. . . вот в этом году нас в Якутию через Красноярск отправили. Представляешь, прислали «Бонинг», кормили, в гостиницах селили, да за такие деньги – неужто в Якутске нельзя отряд держать? – Михаил Дмитриевич долго рассказывает про Якутию и Сибирь. Целое путешествие. – А представляешь, около Енисейска едем по дороге – кругом бурьян, поля заросшие. И вдруг – все распаханно, поля колосятся, техника, людей много. Одна деревня, другая – все ухожено. А потом снова бурьян. Оказывается, китайцы в аренду взяли. . .

– Да, не сильно-то времени на хозяйство остается, с пожарами-то.

– Остается. Раньше не было времени, сейчас есть – как пить бросил. Я ведь десять лет в рот не брал. А до того куролесил, запойный был, месяцами пил. (В прошлом году мы с Михаилом Дмитриевичем в Верколу ездили, нас на лодке перевез мальчишка – перевозчик. Разговор запомнился. «Выпиваешь?» – Спросил Михаил – «Да», – честно ответил пацан. – «Много?» – «Нет, как все». – «Это по сколько ж дней?». – Такая вот мера выпивки, в запойных днях. – «Ну, неделю»). Вся Шотова от меня стонала. А потом попали в аварию. Мы три часа в перевернутой машине были, пока нас нашли. Меня Марина выходила. Вот больше и не пью.

– И Храм решили тогда же восстанавливать?

– Да какое восстанавливать – законсервировать. Как бросил пить, так и время появилось, и за старое перед соседями захотелось как-то вину, что ли, загладить. Вот тогда и ТОС⁵ создал. Мы же сначала полоскалку для белья на ручье сделали. Потом кладбище в порядок привели. Поначалу люди не верили – чудит, мол, Мишка, сейчас сорвется, и снова станет, как был. А Храм... у меня же ближний дом к нему, ну ты знаешь. Жалко. Я хотел законсервировать, дырки от куполов закрыть, чтоб вода не текла. Такими крышками, как бочки. А тут вы появились. И Илья пришел, купола поставил (я про купола в другой части, ладно?) Уже и не остановиться. Хорошо, что молодых ребят взяли на работу и обучили, а то балбесничали. Я только боюсь, они теперь научились, почувствовали вкус заработка, их вот летом на Соловки подработать брали. Будут ли в Храме работать?

– Так вы им и объясните, что шабашка – шабашкой, а Храм – это для себя. И дома.

– Попробуем. Авторитет уже появился. Мне сорваться теперь нельзя. Много уже на себя взял. Если упаду – не поднимусь больше.

– А ТОС-то закрыли совсем?

– А как его содержать? Это бухгалтер нужен, ему зарплата. Бюджет рубль даст, дак два рубля на бумагу уйдет. Зачем такой ТОС? Да и район уже ничего не решает – все в Архангельск. Я тут сварил из металла уголок, зимой за трактор

⁵ Территориальный орган самоуправления.

прицепляю, проехал по деревне – дорожку прочистил. Так по всей Шотовой езжу, к Петровичу заезжаю. Раньше мне сельсовет деньги давал на солярку, сейчас нет денег. И в районе нет – пиши, говорят, бумагу в Архангельск, пусть нам выделяют, а мы тебе дадим. И на что нужен такой сельсовет – райсовет, раз не решают? Уголок-то все равно таскать придется.

– Хорошо, что в Архангельск, а то в Москву писать заставят.

– А что ты думаешь? Мне, чтоб за прыжки заплатили, надо 23 бумаги послать. За один прыжок. Ошибку сделал – вернут. Мне деньги только за май за прыжки заплатили... А не дай Бог, что случится – проблем не оберешься. Вот, подвернул ногу – боялся сказать, с палками из лесу выходил. А сказать, что травма – так ЧП, комиссия, разборка. И, не дай Бог, санавиацию пришлют – год отряд без зарплаты будет сидеть. – Миша помолчал.

– Я у тебя хотел совета спросить. Ты же знаешь, на церковном холме стояла «тройка» – деревянный старый Никольский Храм, наш, Покровский, каменный, и в стороне – колокольня.

– Знаю, первой погибла в тридцатых колокольня, потом в шестидесятых сгорел ставший клубом, но числившийся федеральным памятником, деревянный храм.

– Найти бы чертежи да точное место колоколенки...⁶

⁶ На момент выхода книги на месте старого Никольского храма силами Миха-

3. ЕДОМА. ЛЮБКА

В Едому можно попасть двумя путями – в Шотовой есть паром (в этом году «понтон» – переправа из трех старых-престарых сваренных между собой барж, проезд 120 рублей) на ту сторону. Раньше дороги шли по обеим сторонам Пинеги, северные деревни ведь всегда на берегах больших рек. А тут, напротив Шотовой и Карпогор целый куст деревень. Нёмнюга, Кевро́ла, Едома. Кеврола⁷ – центр сельсовета, тут есть школа. Едома тоже деревня жилая, тут на зиму остаются четыре человека в трех домах. Зато летом деревня живет – все дома обитаемы, брошенных нет. Это, пожалуй, особенность Едомы. Если Кеврола стоит в низине, дома и огороды подходят прямо к пинежским заливным лугам, то Едома – на высоком утесе – угоре, на поляне в сосновом бору. Кевролу подтопляет каждый год, жители следят за уровнем Пинеги, и когда вода доходит до критического уровня, вытаскивают содержимое погребов наверх. Иногда дело кончается залитым погребом, но бывают годы, когда Пинега не щадит Кевролу и несет вешние воды прямо через огороды и палисадники, сметая льдинами ворота и заборы. Тогда радуются в Едоме – до них стихия не доходит никогда. В обычные же дни радуются в Кевроле – у них-то ого-

ила и его односельчан возведен новый, со звонницей.

⁷ Та самая летописная Кевроль, что старше Москвы. 1137 год.

роды под боком, а соседи вынуждены в свои ходить за километр, на их утесе лишь песок да сосны. Однажды, после очередного паводка, кеврольцы решили перенести свою деревню повыше, на холм в Едому, но те не пустили. Как не дали они построить ни одного нового дома. Поэтому Едома – неписанный заповедник, попадая в который оказываешься в пасторальной деревне времен Петра, ну, если бы не провода, спутниковые тарелки, да синие телефонные будки. А еще в километре вверх по реке, за Едому, была когда-то деревня Щелья. Ее нет уже совсем. Только церковь, да колокольня на высоком берегу, да заросшие кустами провалы на поляне в сосновом бору, которые были когда-то погребями в домах селян. Рядом с той деревней есть старое польское кладбище. Но это другая история.

Вот туда я и направляюсь ранним утром, правда, другим, более коротким путем, потому что в десять утра нужно быть на стадионе в Карпогорах – открывать турнир по футболу. Утро сегодня хмурое, капли дождя продолжают падать, несмотря на шедший всю ночь сильный дождь, и я ловлю себя на мысли, что как-то они медленно падают. И только рассмотрев их на лобовом стекле автомобиля, понимаю, что это такие набухшие снежинки – трудно организму поверить, что уже снег⁸.

Другой путь – это по правому берегу до деревни Церкова, а оттуда на лодке, слегка наискосок, прямо под церковный

⁸ Действие происходит 24 сентября.

холм Щельи.

Перевозит нас Владимир Николаевич. Он, как и Михаил Дмитриевич, парашютист – пожарный. Только постарше. У него в Едоме «дача». Ну, не в самой Едоме – чуть за нее. В самой не разрешили.

Никольский храм, что в брошенной Щелье, – единственный на средней Пинеге памятник федерального значения. Строительные леса, пожалуй, вызывают не меньшие опасения, чем сам храм, – старые прогнившие доски стоят здесь с начала девяностых, когда равнодушный к «деревяшкам» человек приехал сюда и начал реставрацию. Слава Богу, успел закрыть крышу рубероидом, и в храме относительно сухо. Но не стало человека, и все остановилось. А храм был красивейшим.

Он не самый старый, 1798-го; колокольня старше, и заметно наклонилась. В этих местах это действительно последний деревянный старый храм. Чтобы попасть внутрь, надо взять ключи, поэтому мы идем в Едому по песчаной дорожке через бор, и попадаем в старину.

Если до этого я считал образцом северной деревни Кимжу, то теперь и Едома рядом с ней, и еще не понятно, кто вперед, поскольку в Едоме есть Храм, который, пока еще, не начали реставрировать методом полной переборки⁹. На значи-

⁹ Сарказм относится к реставрации Одигитриевской Церкви в Кимже – потрясающего по своей красоте памятника. На момент написания рассказа ее разобрали, и работы остановились. Но теперь (2018) уже все хорошо – Одигитрия на месте.

тельном удалении, на краю, приютилась группка амбаров...

Удивительно и то, что тут совсем нет грязи – нет разбитых техникой дорог, дрова аккуратно сложены в поленницы, места, где кололи и пилили, тщательно выметены – нет не то что пластика, даже щепок... Как хочется верить, что так вот русские люди и жили всегда, в чистоте и порядке, в огромных домах, и не только в Петровские времена.

Идиллическое, пасторальное настроение и у моих попутчиков – Михаил Дмитриевич начинает рассказывать, что во он в том доме, у некоего Володи он купил *по́шевни*.

– Что купил? – переспрашиваю я.

– Ну, не купил, так, символически заплатил я ему, – начинает объяснять мне Михаил, словно в выражении «купил пошевни» непонятым может быть скорее слово «купил». Потом понимает, что мне непонятно другое, и поясняет: – Пошевни. По-другому-то? По-другому – *крёсла*. Маленькие сачочки такие, в шубах садиться... К разговору подключается Владимир Николаевич.

– Смотрите, – говорит он мне, – за рекой остров. Летом, по малой воде, туда люди ходят по колено.

– А зачем ходят?

– За земляникой. – Это Миша уже вступает. – Там ее столько, что на всех хватает. С Карпогор приезжают. Ты-то ходишь? – это он Владимиру Николаевичу.

– Хожу. Только я не за земляникой. Я там *искорень* собираю, его там много.

– Что собираете?

– Травка такая. Лекарственная. Мне еще бабка моя показала, ее сушат, корни перемалывают...

– Так что это за травка? – спрашиваю я, понимая, что это должно быть чем-то понятным и знакомым, просто тут имеющим свое название. Но Владимир трактует вопрос по-своему.

– Хм. Знаешь как тут баки говорят? Хероставная... – Володя мой проглоченный от такой формулировки смех воспринял по-своему, улыбнулся, и добавил – И от простуды помогает.

Так и останется у меня картинка этой деревни. Детвора, бегающая босиком по песчаным лужам с прозрачной водой, огромные дома, где на поветях сушится травка, собранная вместе с земляникой на острове... А зимой крестьянин в тулупе на пошевнях едет по заснеженной дорожке через борк свежесрубленной Никольской церкви на высоком берегу. И всего-то чуть больше двухсот лет тому.

– Любка, – говорит вдруг Владимир. – Травка-то эта, любкой ее еще зовут. Хероставная, потому и любка. – И смеется доброй улыбкой.

4. ШОТОВА – КАРПОГОРЫ. ПЕТРОВИЧ

Турнир по минифутболу Сашкиной памяти – это тоже уже

шестилетняя традиция. Его одноклассники решили так вот увековечить его память. Я слегка посмеиваюсь, но не над турниром – в конце концов, пацан, играющий на футбольном турнире памяти Александра Южанинова, рано или поздно спросит, а кто это такой. Собственно, это и есть цель. Меня восторгает серьезность подхода к этому и Петровича, и организаторов. Они с пеной у рта определяют правила, пытаются пригласить именитых судей, а корпоративные команды получают суточные и командировочные. Петрович знает уже фаворитов поименно, кто на какой минуте пробил, кто отбил, а кто нечестно играл. Я не особо люблю футбол, но присутствую там, и за эти шесть лет даже дважды его открывал – шанс рассказать, в память о ком это действие. А возвращаясь каждый раз после турнира вечером, знал, о чем мы с Петровичем будем под рюмочку говорить. Под рюмочку? В мой приезд летом Петрович не пил – испугался. Не за себя, за Людмилу Сергеевну. Вдруг он запьет, а как же она со своим недугом? Но потом подумал, пожалел себя... Он строил этот дом в Шотовой, еще когда уходил на пенсию. Мечтал, что уж на заслуженном отдыхе он уж точно наездится на охоту, рыбалку, нанянится внуков, будет жить-поживать.

– Знаешь, я когда работал на заводе (на СевМаше, рентгенологом. Ага. Это люди, которые с рентгеновским аппаратом в руках проверяют качество сварных швов кораблей и лодок), я мечтал о пенсии. Ничего подобного. Я на заводе чаще ходил в лес, чем здесь. Это тогда еще. Сначала дом

построй (а он построил огромный – внуков то много – дом сам, сам выбирал делянки, вытаскивал лес, сам рубил, сам печи клал – все сам), хозяйство заведи... А теперь вот. Козы, собаки... А Люду не оставить ведь одну. Да и не с кем теперь в лес-то ходить, нет никого из друзей. Один я остался. Знаешь, я решил, что можно выпить. Я же знаю, сколько могу. Я тут выпил на бриллиантовой свадьбе у Поликарпыча, на утро в бане проснулся. Как дошел? А смотрю – козы на месте, молоко в кастрюле – подоил ведь. До дома не дошел, а козу подоил.

Он наливает мне рюмку.

– Я ведь сильный. Меня в детстве медвежонком звали. Когда ехал из армии в поезде, ко мне шпана пристала. Вышли в тамбур. Я вижу – поезд ход сбавил, достал нож, да как вса-дил одному.

– Как это «всадил»? Куда?

– Да в жопу. В другое-то место – убить ведь можно. А так – запомнит. И спрыгнул. – Разошелся что-то Петрович. Впрочем, я и сам знаю, что он двужильный. Тут вся Шотова рассказывала, что взял Петрович свой короб заплечный, и пошел на болото за ягодой. С мужиком, которому пятьдесят пять. Тот с ведром, а у Петровича короб на 30 литров. Мужик ведро набрал, глядит, а у Петровича короб-то полон. «Не донесешь ведь!» – «Это ты не донесешь», – огрызнулся Петрович. И донес. А мужик полведра по пути высыпал.

Так вот и уговорили мы с ним пол-литра. А футбол-то он

долго смотрел, а потом отмечал, еще до моего прихода... Тяжело Петрович встал, держась двумя руками за край стола, посмотрел слегка помутневшим глазом и вышел во двор. Коз загнать и подоить. Собакам дать еды. А потом вернулся в дом и упал на кушетку, уснув тяжелым пьяным сном.

А на утро встал чуть свет. Поздоровались.

– У меня сок есть. Холодный. Будешь?

– Да мне не надо.

– Не похмеляешься? Никогда не похмеляйся. Последнее дело.

5. ДОРОГА В СУРУ. ИЛЬЯ

В Суру мы поехали втроем, Михаил Дмитриевич, я и Илья. Илья и в Шотовой появился чуть позже нас. Он вообще-то из Каргополя. У него там живут родители, и сам он там жил – не тужил. Но есть и увлечение. Он кровельщик от Бога. Железо – его стихия. Гнутые крыши, маковки, купола и закомары. Он радуется, как ребенок, когда увидит старый замок на листовой кровле позапрошлого века, кованые квадратные гвозди... Хотя, подрабатывал всем, – и проводником в Кенозере, и программистом. Да и сейчас делает любую интересную работу. Тут вот конкурс в Архангельске выиграл по фотографии. Первый приз – огромный фотоаппарат с дорогушим объективом. Но тогда, шесть или семь лет назад, молва в Каргополь принесла весточку. В Шотовой ре-

шили восстановить Храм. А он ведь без куполов! И Илья пошел в Шотову. Пришел. Сказал Михаилу Дмитриевичу: «Ты только железо купи. Все остальное сделаю». Взял и сделал. Да так и остался. Нашел жилье в Карпогорах (вот ведь, проблема – столько брошенных домов, а квартира в райцентре стоит как в Подмоскowie, и дом построить – целое бюрократическое предприятие). Какое там жилье – 16 квадратных метров. И сортир через дорогу. Традиционный, системы прямого падения. Женился. Там их уже четверо – двое детишек. «Народились». У него все такое «на-», своеобразное. Детишки народились. Грибы выросли. Он их собрал, а они в том же месте снова выросли. И не испугался он, а «страху натерпелся».

– Да я готов и дальше в храме работать. Я же хочу, у меня от этого душа поет. Только как мне тогда квартиру-то или дом какой? Дети растут же...

Дорога долгая, говорим обо всем. Рассказываю о Грузии, о льготах для начинающих бизнес.

– Эхх, – говорит Илья. Взял бы кто калькулятор и посчитал бы, сколько денег тратится на всех этих контролеров, и сколько украсть можно. Доверять-то экономически выгодней!

По пути, уже около Суры, заезжаем к источнику «Святителя и Чудотворца Николая». Вот тоже явление. Никольский источник был известен еще во времена Иоанна Кронштадтского. В 2003 местные жители сделали к нему дорогу (кило-

метров восемь там) и построили купель. Любят жители Ни-
колу-ручей. Миша купается...

6. СУРА. МАТУШКА МИТРОФАНИЯ

Еще в Архангельске, в краеведческом музее, мне посоветовали поговорить с Матушкой Митрофрнией. У них часто проводятся чтения Иоанна Кронштадтского, Матушка там бывает, рассказывает, что да как. Еще есть фонд Иоанна Кронштадтского; вообще, этот святой сейчас удивительно любим и северным людом, и властями одновременно. Редкое для нашего времени сочетание. А наш Шотовский Храм Покрова ведь отец Иоанн закладывал, 500 рублей пожертвовал. Если и не в тему, то общаться все ж надо. Едем сначала на край села, к Никольскому храму. Он совершенно белоснежный, восстановленный и свежевывкрашенный.

Стоило нам выйти на площади, как нас окликнули. Женщина, представилась «хранительницей всего», пока нет кого-то из главных.

– Пойдемте, келейный корпус покажу.

– Нам бы в храм сначала...

Храм внутри такой же белоснежный. Впечатляет, ведь известно, что от него были лишь стены.

Но в углах следы подтеков.

– Тут раньше молдаване работали. Теперь питерская фирма.

– А кто финансирует?

– Да я не знаю. Есть фонд. Есть Отец Николай (священник Иоанновского монастыря – это потом мы вычислили). Они и строят.

– А Матушка? Монастырь в Суре ведь женский, есть настоятельница...

– Матушка приходит... Я не знаю ничего... Где найти ее – знаю, но зачем она вам? Пойдемте, я вам келейный корпус покажу.

В углу храма стоит свежий деревянный гроб.

– А это что?

– Копали траншею для кабеля. Изнутри выкопали, а снаружи, прямо у стены, 16 скелетов. Монашки, прямо у стены храма.

– Расстреляны?

– Не знаю, сами смотрите. – С этими словами она приподнимает крышку...

Рядом с храмом свежереставрированный келейный корпус и старая пекарня.

Рядом с келейным корпусом – часовенка над могилой родных отца Иоанна.

Из уважения осматриваем гипсокартонный келейный корпус, с унитазами и душевыми кабинками.

– Так где же найти Матушку?

– Ох, настырные. Зачем она вам? Ну ладно. Вон фургончик...

– С надписью «Благотворительный фонд Прииди и Вижь»?

– Да. Он как раз у дома Матушки.

– А фонд? Он финансирует? Это фонд Иоанна Кронштадтского?

– Нет. Нет. Нет. Фонд – это Пригожин. Строит Пригожин. Иоанн это...

– Стоп, стоп.

Снова накрапывает дождь. У дома Матушки пусто. Стучим в дверь. Потом в окно. Откуда-то из глубины доносится мужское: «Слушаю Вас». Как нас можно слушать через череду дверей? «Есть кто живой?» И снова «Слушаю Вас. Что Вам угодно?».

– Мы хотели бы поговорить... О Суре, о монастыре, о его финансировании...

– О, это не к нам. До свидания.

– Вы не поняли. Нам не надо ничего. – После этого «до свидания» вдруг стало ясно, что человека просто достали дурацкими вопросами. – Нам просто обменяться, кроме совета, от Вас ничего не нужно. – Откуда-то из глубины сени появляется мужчина. Сергей. Миша его знает, передавал в Шотовой в его фургончик нехитрую детскую одежду.

– У нас в Шотовой Храм. Он Покровский, но его закладывал и освящал отец Иоанн. Его сейчас восстанавливают всем миром. Вот и хотели понять, а как Суру восстанавливают. Может, можно как-то вместе? – Сергей явно оттаял.

– Вы проходите в дом. Я сейчас Матушке скажу, она вас примет.

– Может, она занята, устала... Давайте мы с Вами просто поговорим.

– Вы знаете... Вы не отказывайтесь. Матушка – она сегодня здесь. И вы здесь. Просто поговорите, попейте чаю. Может, потом вспоминать будете.

Забегая вперед. Буду. А настроение перевернулось. Вот только что была стена, и вдруг нас не отпускают, настаивают на встрече.

– Матушка ждет.

Матушка Митрофания – женщина в годах. Трудно оценить возраст, но я думаю, ближе к 70-ти. Только есть в ней что-то особенное. Представьте себе питерскую интеллигентную женщину, театралку, с дворянской, полной достоинства, осанкой. Очень приятными чертами лица, по недоразумению лишенного косметики. Одетую в простую монашескую одежду, белого цвета, и платочек, закрывающий волосы на голове полностью. И потрясающей глубины глаза.

– Попейте чайку сначала. Попейте, попейте, не отказывайтесь – голос настолько ласков и доброжелателен, что и вправду нет сил отказаться. И как-то само собой, мы начинаем рассказывать свою историю, про то, что есть такая Шотова, а в ней храм, что заложил отец Иоанн, и что теперешние жители его в меру сил и умения пытаются восстановить, но не знают, что, как, в каком порядке делать, что денег

на все не хватает, но мы не жалуемся, просто опыт ваш... у вас же есть средства на Суру? Матушка вздыхает.

– Нет у нас ничего. Но это не страшно. Давайте про вас. Батюшка вам нужен, в Шотову.

– Да мы... мы просили Владыку. Тихона, царствие ему...

– К Даниилу идите, он после Тихона уже девять месяцев. Сходите, сходите. И не через кого-нибудь, – она внимательно посмотрела именно на меня. – Позвоните напрямую. И просто объясните. Он поймет. Поверьте, он доступный, он сразу вас поймет.

– А вот мы с Тихоном договорились... Веркола возьмет нас...

– У Веркольского монастыря знаете сколько забот? Им не до вас. Вам надо, чтобы службы начались.

– У нас бывают молебны...

– Молебен – это треба, не служба. Вам нужен настоятель.

– А мы же его не прокормим, у нас 20 человек приходят на молебен-то...

– Двадцать человек. Двадцать человек. Вы не понимаете, как это много. Поймете. А о том, как прокормить батюшку – вы не думайте. Меня благословили сюда приехать из Питера, я села и поехала. А тут все само образовалось. Где жить, что есть. Если есть благословение, Господь не оставит.

– А службы у нас отец Алексей из Карпогор ведет, может, нам попросить Владыку, чтоб его дал?

– Что выпрошено – то выброшено. Запомните это. Нико-

гда не просите. Что выпрошено – выброшено.

– А еще у нас много чего не готово. Не сделан ремонт во всем храме, есть только... – и мы честно перечисляем что есть. – Можно ли подавать прошение сейчас?

– Когда человек умирает, его куда везут? В больницу, в реанимацию. Надо, чтобы сердце забилося. А одежду всегда купите. Вот телефон Даниила. Позвоните ему. А потом мне. Обязательно позвоните мне и расскажите. Обязательно.

– Матушка, а еще скажите. Люди к вам идут? Ну сами, на субботники, там, или просто помочь?

– Еще Отец Иоанн говорил, что везде его принимают и жертвуют, и только на Родине, в Суре, ждут жертв от него. Приходят. Но больше за деньги и по приказу. И это везде так и всегда. Да и люди не в Храм идут, а к батюшке. Каков поп... Не печальтесь.

Мы вышли на улицу и в нерешительности остановились у калитки. Что-то еще осталось несказанным. Постояли. Вышел Сергей.

– У нас и вправду ведь неважно. Знаете, начиналось все здорово. Отец Николай из Питера собрал у себя настоятелей храмов Иоанна Кронштадтского, их больше полутора сотен приехали, решили возродить его Родину, создали фонд. Начались работы. А потом пришел Благодетель. И сказал, чтоб мы не беспокоились, что он все сделает сам. И вправду начал делать. А потом что-то у него произошло. И он все прекратил. А мы у разбитого корыта. Столько всего начато – и ни-

чего, остановка. И Батюшки обиделись. Нет, не обиделись, просто отошли в сторону. Без них же все сделают. Вот Матушка и старается объяснить им, что без них никак. А знаете, спасибо вам. Мне Матушка сказала, что вы ей очень помогли.

– Мы?

– Ну да. У нас ведь много чего было, а теперь не стало. Вот мы и приуныли, не знаем что делать. А у вас ничего и не было. Вы сами все трудитесь, не унываете. Да еще и советов просите. Спасибо вам. От Матушки.

Мы уже сели в машину, когда Матушка вышла на крыльцо и помахала рукой. Мы еще остановились в центре, у огромного Успенского собора.

Какая же красота.

Полпути мы ехали молча. Конечно, мои диалоги не отражают и части того, что мы чувствовали в разговоре с Матушкой Митрофанией. До меня вдруг дошло. Надо сделать так, как она сказала. Просто потому, что никогда еще в жизни не встречал людей такой простоты и глубины одновременно. Еще я подумал, что ничего нового она не сказала. Просто выделила главное, то, что и так было ясно, но почему-то не было на первом месте. А тут... вот это главное – чтоб сердце билось. А еще я вдруг понял, что не спросил ее ни о чем личном – в голову не пришло. Надо вернуться, расспросить о жизни вообще, поговорить о смысле. Так хорошо, когда во всем сумбуре вдруг появляется четкость. Вот это – глав-

ное. А если сердце бьется – можно и об остальном. Раздумья прервал Миша.

– Дак, ты мне с чертежами колокольни-то поможешь, а?

7. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Да, я о Лявле и Чухчерьме обещал рассказать... В 10—12 километрах от Малых Корел дальше, от Архангельска, есть Лявля. Никольская церковь, 1589 год. Ей повезло – рядом Малые Корелы. Ее взяли в музей, но оставили на своем месте. И толпы туристов в 10 километрах отсюда. Перед ней действующая каменная Успенская, 1804 год, на средства Андрея Харитоновна, купца и судостроителя.

Если с трассы Архангельск – Пинега повернуть в Луковецкий и проехать его насквозь, то попадете к храму Василия Блаженного.

Не храму, конечно. Церкви. 1824 год. Колокольня 1783. А между ними стоял десятиглавый Ильинский храм 1657. Он сгорел в 30-х. Это и есть Чухчерьма. Это на Северной Двине.

Золотая осень на Севере – и вправду моя любимая пора. Времена года – это как любовь. Когда она взаимная – она как весна, она веселая, радостная и беззаботная, она в предвкушении бесконечного счастья, которое впереди. Как лето. А вот осень – это как любовь безответная, оттого грустная и более острая, потому что не бывает у нее счастливого кон-

ца. За золотым и багровым буйством неминуемо наступит слякоть, унылость и беспросветность осени предзимней, серой и голой. В безответной любви, правда, бывают исключения, а вот у осени – нет. Поэтому когда наступает бабье лето, радость от его прихода всегда соседствует с подступающей хандрой, – сейчас всё облетит, и нате вам. Как воскресенье в обед – еще и выходные вроде, а мысли уже в буднях. Возможно, поэтому я и придумал себе, что в эти дни надо быть на Пинеге. Там-то подступающая сквозь осенние краски хандра утонет в грустной красоте. Грустной от этой горячей золотыми окнами бабьей осени Русского Севера.

сентябрь 2011

Небылицы о Любви

ХВОСТИКОМ МАХНУЛА

грустная рождественская сказка

*«Быть может, Бог сотворил пустыню для того,
чтобы человек улыбался деревьям».*

Паоло Коэльо, «Алхимик».

Лёлька,¹⁰ зацепив за торчащую лыжу очаровательного толстого рождественского бургера, сидевшего в мохнатой шапке на краю полки и докуривавшего уже свой уголек благовоний, конечно же, здорово расстроилась. Игрушка смачно шмякнулась на кафельный пол, разлетелась по всей кухне – руки-лыжи-ноги – и исчезла по частям под стульями и шкафами. Казалось бы, она не должна расстраиваться – она принадлежит уже ко второму в семье поколению людей, которых в принципе не ругают за разбитые вещи. Да и не виновата она вовсе, – это я так посадил бургера-курильщика, что

¹⁰ Этот рассказ, как и следующий, был опубликован в первой книге альманаха «Писатель года 2015» под вымышленным именем – Николай Зоренин. Кроме того, имена персонажей рассказа были тогда тоже заменены на вымышленные. Поскольку Зоренин, как псевдоним, не прижился, я решил его «убить», а персонажам вернуть их подлинные имена.

за торчащие лыжи невозможно было не задеть. Впрочем, я – как раз первое поколение, которое никогда не ругали за разбитые вещи, поэтому угрызений совести я не почувствовал. «Собери и положи ко мне на стол, я склею», – только и сказал я, но все же отметил, что Лёлька все равно сильно расстроена. Понравился, видать, ей незамысловатый рождественский бургер-курильщик...

Я допивал еще свой кофе в берлинском Тегеле, куда приехал сильно заранее своего рейса, чтобы встретиться со старинным приятелем, когда раздался звонок.

– Ты где? – услышал я недоуменный, но совершенно узнаваемый по только ей присущему акценту, голос в трубке, – Я тут смотрела на табло. Ты же из Кёльна? Самолет уже час, как сел, я тебе звоню, а ты трубку не берешь... Я посмотрел на экран телефона. В самом деле, пара пропущенных. Эх, Густы...

Эта женщина всегда выделялась среди всех. Среди говорящих по-русски немцев – необыкновенно правильным и очень богатым русским языком, правильным по книжности составления длинных и оборотистых предложений, по огромному, большинству соотечественников неподвластному, запасу русских слов. Среди русских – по невероятно, неисправимому, несмотря на русское МГУ-шное искусствоведческое образование, русского мужа и троих детей,

свободно и без акцента говорящих на обоих языках, акценту. Потому я и не спутал бы ее голос ни с чьим другим. Честно говоря, расставаясь с ней четыре дня назад, я не придал никакого значения ее фразе, что она непременно найдет способ передать мне рождественский подарок, хотя и встречались-то мы с ней эти четыре дня назад на бегу и то только потому лишь, что она не была уверена, сможет ли повстречаться со мной сегодня. «Так, безделушка, – сказала она тогда, – но тебе и детям понравится».

– Какой самолет, Густы, из какого Кёльна? Я же на машине, мы же ее с тобой вместе брали тут, в прокате, четыре дня назад.

– Я забыла...

«Я забыла». Когда-то, уже больше трех лет назад, практически с этого слова начал я первый рассказик¹¹

¹¹ См. «Золотые окна» в этой книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.